

24. Спасский Гр. Собрание исторических, статистических и других сведений о Сибири и странах сопредельных оной. I. Картина Сибири // Сибирский вестник. СПб., 1818. Ч. 1.

25. Фиалков Д.Н. Раздумья над старыми картами // Омская старина: историко-краевед. альманах. Омск, 1993. № 1. С. 165–171.

26. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским в 1701 г.: [В 2-х т.]. М., 2003.

27. The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov. Facsimile edition with an introduction by Leo Bagrow // Imago Mundi. Suppl. 1. S-Gravenhage, 1958. 173 L.

28. Bagrow, L. Semyon Remezov. A Siberian cartographer // Imago Mundi. Vol. XI. 1954. P. 111–125.

29. Valerie A. Kivelson. Cartographies of Tsardom: The land and its meanings in seventeenth, century Russia. Cornell University Press, 2006. P. 117–209.

СОКРАЩЕНИЯ

- ВААЭ — Вестник археологии, антропологии и этнографии, Тюмень
 ОГИК музей — Омский государственный историко-краеведческий музей
 СЭ — Советская этнография, Москва

*Мария Евгеньевна ПРОСКУРЯКОВА —
 преподаватель кафедры всеобщей истории
 Петрозаводского государственного университета
 m-proskuryakova@mail.ru*

УДК 94(47):355.47 "17"(093)

ГАРНИЗОННЫЕ ШКОЛЫ ВЫБОРГА И КЕКСГОЛЬМА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА (СОЦИАЛЬНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ШКОЛЬНИКОВ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБУЧЕНИЯ)

THE GARRISON'S SCHOOLS OF VIBORG AND KEKSHOLM IN THE FIRST HALF OF XVIII CENTURY (THE SOCIAL BACKGROUND OF PUPILS AND WAYS OF TEACHING)

АННОТАЦИЯ. В центре внимания автора гарнизонные школы, действовавшие в северо-западных крепостях России в первой половине XVIII века. На основании впервые вводимых в научный оборот документальных материалов выяснено социальное происхождение учеников, порядок зачисления и правила обучения.

SUMMARY. The garrison's schools of the North-Western Russia are in the focus of the author's attention. The social background of pupils, the norms of enrollment into school and teaching standards were determined on the basis of newly discovered documents.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. История России, гарнизоны, система образования, источниковедение.

KEY WORDS. Russian history, garrisons, education system, 18th century, historical source study.

Создание при Петре Великом регулярной армии и необходимость постоянного пополнения полков хорошо обученными военными кадрами повлекли за собой организацию единой системы подготовки офицеров и унтер-офицеров и открытие

военных школ. В деле развития военной школы, по мнению Л. Г. Бескровного, «Россия шла своим самостоятельным путем» [1; 300]. Прежде всего это сказалось в дифференцированной подготовке пехотных, артиллерийских, инженерных и прочих офицеров [1; 300]. Первая военная школа открылась в России в 1698 г. при Преображенском полку [1; 290]. Вскоре возникли «Школа математических и навигационных наук» (1701 г.), артиллерийская (1701 г.) и инженерная школы (1709 г.) [1; 291–293].

Наряду с образовательными заведениями, в которых обучались морской науке, артиллерийскому и инженерному делу, существовали школы по подготовке младшего командного состава для пехотных полевых и гарнизонных воинских частей. Речь идет о гарнизонных школах, открытых в 1721 г. при каждом из гарнизонных полков. В годы правления Петра Великого было создано 50 таких учебных заведений [1; 295]. Главное их отличие состояло в ориентации на профессиональную подготовку сыновей нижних воинских чинов.

Проблема воспитания и уровень подготовки военнотружущих российской армии от солдат до штаб-офицеров в петровскую эпоху нередко становились объектом специального исторического исследования. Еще дореволюционный историк М. С. Лалаев посвятил отдельную главу своего фундаментального труда о российских военно-учебных заведениях школам, созданным при Петре Великом [2]. Подчеркивая значимость открытия в России артиллерийских, инженерных и морских школ, автор отмечал факт включения солдатских детей в систему подготовки профессиональных кадров и обучение их в гарнизонных школах. При этом М. С. Лалаев отдельно останавливался на социальном происхождении учеников этих школ в разные годы, указывая на то обстоятельство, что лишь в 1774 г. было принято решение о зачислении туда «неимущих» дворянских детей [2; 79].

Традиционно большое внимание в отечественной историографии уделялось артиллерийским и инженерным школам, обучение в которых проходили дети из дворянских семей, по окончании образования занимавшие офицерские должности. Подобного рода исследования представляют для нас немалый интерес, так как нельзя не увидеть сходство систем обучения в артиллерийских, инженерных и гарнизонных школах. В этом отношении показателен порядок привлечения учеников артиллерийских и инженерных школ к исполнению различных служебных обязанностей на протяжении всех лет обучения, рассмотренный в очерке преподавателя законовещения 2-го Кадетского корпуса П. А. Галенковского. Автор показал, что ученики нередко исполняли обязанности писарей и рассыльных при Главной артиллерийской канцелярии и Инженерной конторе [3].

Исследования, посвященные военному образованию, не оказались вне внимания и советской исторической традиции. В середине 1950-х гг. из-под пера известнейшего историка Л. Г. Бескровного вышла статья, в которой рассматривался широкий круг вопросов военного образования в первой половине XVIII века [1]. Автор видел свою главную задачу в выяснении процесса формирования единой системы подготовки офицерских кадров в период правления Петра Великого и его ближайших преемников. При этом историком указывалось, что созданные императором военные школы были образцом для стран Западной Европы, где первые учебные учреждения подобного рода возникли позднее. По мнению исследователя, это в значительной мере определило успехи русских войск в Северной и Семилетней войнах [1; 300].

Л. Г. Бескровный уделял максимальное внимание вопросам формирования офицерского корпуса и военной подготовке дворян. При этом гарнизонные школы, предназначенные для обучения солдатских детей, не стали предметом специально-

го изучения ни в его статье, ни в книге современного историка А. М. Лушников [4]. Тем не менее, во всех названных работах так или иначе затрагивались проблемы организации и функционирования гарнизонных школ и были выявлены их общая численность, а также численность учащихся в разные годы и перечень преподававшихся предметов. В то же время отметим, что остались невыясненными такие важные вопросы из истории гарнизонных школ, как социальный состав учеников и материальное положение их семей. Кроме того, не вполне понятно, какие должности занимали выпускники гарнизонных школ.

Нам представляется возможным ответить на все эти вопросы, изучив историю гарнизонных школ одной из северо-западных провинций — Выборгской, где в 1710–1740-х гг. находились четыре гарнизонные воинские части, размещенные в Выборгской и Кексгольмской крепостях. Кроме того, наши выводы основываются на анализе архивного материала по Санкт-Петербургской и Кронштадтской гарнизонным школам. Исследование строится на изучении комплекса документов первой половины XVIII века, которые отложились в фондах Армейской, Гарнизонной, Рекрутской экспедиций канцелярии Военной коллегии и Приказного стола той же канцелярии Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).

В целом проблема источников по военной истории России первой половины XVIII в. считается одной из самых сложных. Если исследование истории военных действий, комплектования регулярной армии, а также формирования и службы полевых полков обеспечено документами центральных архивов, то при обращении к проблемам организации службы в крепостях и повседневной жизни гарнизонных военнослужащих историк неизбежно сталкивается с непреодолимыми сложностями, связанными с доступом к документам. Большой массив архивных материалов из фондов РГВИА размещен в Центре хранения страхового фонда (ЦХСФ), расположенном в г. Ялуторовске Тюменской области. Вероятно, именно этим объясняется практически полное отсутствие работ, в которых рассмотрению подвергались бы вопросы, связанные с историей службы такой категории войск, как гарнизонные части*. Редкое исключение составляют статьи А.В. Дмитриева — современного исследователя истории полков, проходивших службу в Сибири [5–6].

Среди изученных архивных материалов в первую очередь следует назвать инструкции, направлявшиеся офицерам, надзиравшим за учениками гарнизонных школ. Инструкциями регламентировался весь процесс обучения школьников. Не меньший интерес представляют списки учеников северо-западных гарнизонных школ и именные списки военнослужащих гарнизонных полков, сопоставление и детальный анализ которых дает возможность судить о контингенте учащихся, их происхождении, социальном и материальном положении родителей. Комплексное изучение названных документальных материалов позволило скорректировать давно утвердившиеся в науке выводы о системе обучения в гарнизонных школах.

* С признательностью отмечаю, что разрешение на работу с материалами, находящимися в ЦХСФ, удалось получить благодаря содействию доцента И.А. Черняковой, руководителя Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии на Историческом факультете Петрозаводского государственного университета (ИЛЛМИК, ИФ ПетрГУ), в которой подготовлено мое диссертационное исследование «Российские крепости и гарнизоны в Выборгской Карелии первой половины XVIII века», и исключительной поддержке доцента А. Ф. Юсупова, заведующего кафедрой всеобщей истории ИФ ПетрГУ.

Одним из главных и наиболее важных вопросов по истории гарнизонных школ представляется происхождение учеников. В российской историографии гарнизонные школы принято называть солдатскими, что отвечает представлению исследователей о социальном составе учеников. Как уже отмечалось выше, М. С. Лалаев находил, что официальное разрешение на зачисление в школу дворянских детей было сделано только в 1774 году. Это право сохранялось и в дальнейшем. Согласно данным историка, при Николае I в Военно-сиротские отделения, в которые с течением времени превратились гарнизонные школы, «кроме солдатских сыновей, поступавших туда обязательно, допускались к приему, по особым просьбам, дети неимущих дворян и обер-офицеров» [2; 52]. Таким образом, по мнению М. С. Лалаева, в эпоху правления Петра Великого и его ближайших преемников гарнизонные школы были местом обучения исключительно детей нижних воинских чинов. Заметим, что данная точка зрения впоследствии не подвергалась какой-либо корректировке. В отношении гарнизонных школ авторы фактически ограничивались указанием на то, что здесь готовились унтер-офицерские кадры. Действительный состав учащихся также не стал предметом специального исследования.

Известно, что указом 1721 г. в каждой создаваемой школе учреждалось по 50 вакансий для солдатских детей в возрасте от семи до пятнадцати лет [2; 10]. Позднее, в 1732 г., по данным М. С. Лалаева, количество вакансий в школах увеличилось, соответственно и общая численность учеников составила 4000 человек [2; 10].

Как удалось выяснить в ходе настоящего исследования, количество вакансий в каждой из двадцати школ Остзейских гарнизонных полков* с сентября 1732 г. увеличилось с 50 до 64 мест [7; 351–352]. Таким образом, на каждую роту приходилось по восемь ученических вакансий. Кроме того, на полк выделялось «в рость» еще восемь вакансий, что составляло 72 вакансии. В целом на поступавшие средства предписывалось содержать 82 ученика [8; 696 об.].

При исследовании документов о зачислении в гарнизонные школы становится ясно, что прежде всего необходимо было доказать право мальчика на получение образования. Так, в нашем распоряжении оказалось доношение от декабря 1736 г., поданное в Военную коллегия солдатской женой Катериной Андреевой, которая просила зачислить в Санкт-Петербургскую гарнизонную школу десятилетнего сына Петра. По решению Военной коллегии ее муж Ларион Благушин, задержанный без паспорта в Санкт-Петербурге, в возрасте 45-ти лет был определен в солдаты в Выборгский гарнизонный полк. Его сыну уже было девять лет. Когда мальчику исполнилось десять, мать решила воспользоваться правом обучения солдатских детей в гарнизонной школе. Однако ей было отказано в прошении. Главным основанием отказа стало время рождения сына: «прижить онъ до определения мужа ее в салдаты и для того надлежит ему быть в Новгородкомъ посаде, в которомъ до салдатства и отецъ ево былъ» [9; 346–349].

Таким образом, совершенно определенно прослеживается основное правило, которое соблюдалось при зачислении детей в гарнизонные школы — отец должен был находиться на военной службе в момент рождения ребенка. При этом, как неопровержимо доказывает исследование архивных материалов, в гарнизонные школы на протяжении 1720–1740-х гг. наряду с солдатскими детьми зачислялись дети

* К Остзейским гарнизонным полкам относили полки, расквартированные в Санкт-Петербурге, Кронштадте, Выборге, Кексгольме, Риге, Ревеле и Нарве, а также занятые на строительстве Ладожского канала.

дворян и офицеров. В соответствии с императорским указом 1737 г., если отец имел менее двадцати душ крепостных крестьян, мальчика содержали за счет государственных средств, если более двадцати душ — из средств отца [10; 173–175].

Действительно, при обращении к практике приема в школу в северо-западных крепостях устанавливается немало случаев, когда туда зачислялись дворяне. Так, 7 марта 1734 г. в Кронштадтскую гарнизонную школу по указу Военной коллегии был принят шляхетский недоросль драгунский сын Василий Калитеевской [11; 78]. За самим Василием не числилось ни одного крестьянина, а за его отцом числилась только одна крестьянская душа [11; 72]. Как ясно из документов, в подобных случаях дворянские сыновья зачислялись в школы на тех же условиях, что и солдатские. Им давали жалованье «против того, как салдацким детям определено» [10; 157 с об.]. Таким образом, для определения детей в гарнизонную школу на протяжении 1730-х гг. важное значение имело благосостояние родителей.

Тем не менее, обратившись к истории набора школьников в Санкт-Петербургскую и Кронштадтскую гарнизонные школы, видим, что туда принимались и дети, отцы которых имели более двадцати душ. Часть учеников составляли сыновья офицеров, служивших в местных гарнизонных полках. В данном случае определяющую роль, по всей вероятности, играло желание родителей. Безусловно, перспектива обучения детей в гарнизонных школах должна была выглядеть достаточно привлекательной, ребенок не только получал полезные для успешного продвижения по службе знания, но и в течение всего срока обучения его родители, если сын жил дома, получали жалованье на его питание и одежду. Если же ученик по какой-либо причине проживал в школе, все необходимое для него покупалось школьным начальством [7; 359].

Среди взятых на обучение в Санкт-Петербургскую школу в 1736 г. был восьмилетний Николай Шишков, отец которого служил в Санкт-Петербургском гарнизоне подполковником и имел сто двадцать крестьянских душ [10; 159]. В том же году в школу приняли и сына подполковника Невского гарнизонного полка Никиту Муравьева, четырнадцати лет от роду. За его отцом было записано шестьдесят семь крестьянских душ. Данный перечень можно продолжать. В Кронштадтскую гарнизонную школу в 1736 г. поступил Александр Островской восьми лет, приходившийся сыном майору Кронштадтского гарнизона, владевшему 77-ю крестьянскими душами [10; 159–160 об.].

Практика определения детей в школы, функционировавшие при полках, в которых служили офицерами родители, как видим, была в то время широко распространена. Данный тезис доказывает и проведенное исследование документов по гарнизонным школам Выборга и Кексгольма.

В нашем распоряжении имеется список дворянских и офицерских детей, проходивших обучение в Выборгской и Кексгольмской гарнизонных школах, датированный 1737 г., сопоставление данных которого с именными списками офицеров Выборгского и Кексгольмского гарнизонов позволило получить дополнительную информацию об условиях повседневной жизни местных гарнизонных военнослужащих [12; 230–231].

Всего в крепостях Карельского перешейка было открыто две школы: в Выборге и Кексгольме. Школа, расположенная в Выборге, посещалась детьми военнослужащих трех местных гарнизонных полков. Ориентируясь на общее число вакансий, предназначенных для сыновей военнослужащих каждого из Остзейских гарнизонных полков (82), легко установить, что от 5 до 18% всех мест каждого полка в школах Выборга и Кексгольма занимали офицерские дети. Всего в Выборгской

гарнизонной школе в 1737 г. обучался 21 человек из числа дворянских и обер-офицерских недорослей (9 мальчиков приходились сыновьями обер-офицерам Выборгского полка, 8 — Карельского полка, 4 — Ивангородского полка). В Кексгольмской школе обучалось 15 обер-офицерских детей [12; 230–231].

При сопоставлении имен школьников и военнослужащих Выборгского и Кексгольмского гарнизонов, которые известны нам по именованным спискам штаб- и обер-офицеров за 1730-е гг., восстанавливаются интересные факты зачисления офицерских детей в школу. Так, стало известно, что в 1737 г. в Выборгской школе проходили обучение два мальчика, носивших фамилию Смирной — Александр, двенадцати лет и Василий, десяти лет. Мы предполагаем, что они приходились сыновьями поручику Выборгского гарнизонного полка Сидору Смирному. Он был переведен в Выборг из Кронштадтского гарнизона 29 июня 1735 г. [13; 666 об.]. Примерно через месяц, 1 августа 1735 г., в Выборгской школе начали обучение Александр и Василий Смирные. Думаем, что поручик Сидор Смирной переехал на новое место службы в Выборг вместе с семьей. В именованных списках военнослужащих Выборгского гарнизона за 1736 г. и в более поздних документах имя С. Смирного уже не встречается [13; 760–767]. Скорее всего, С. Смирной ко времени освидетельствования учеников вышел в отставку или умер, однако его семья продолжала проживать в Выборге. Александр Смирной, старший сын поручика, к 1737 г. выучился читать, писать и проходил арифметику, а младший сын Василий умел читать и изучал сложение [12; 230].

Порой случалось так, что успехи, достигнутые в учебе младшими по возрасту детьми, были вполне сопоставимыми со знаниями старших школьников. Михайло Галичинин, семнадцатилетний сын прапорщика Лифантия Галичинина [13; 760 об.], зачисленный в школу 12 апреля 1732 г., ко времени проверки знаний в 1737 г. научился чтению и письму, а в «арифметики учил редукцию [зд. Вычитание — М. П.]» [12; 230], то есть находился на том же уровне, что и упоминавшийся двенадцатилетний Александр Смирной [12; 230 об.].

Сопоставление данных именованных списков военнослужащих Выборгского и Кексгольмского гарнизонов за 1733, 1734, 1736 гг. с именами школьников показало, что отцы по меньшей мере девяти мальчиков занимали офицерские должности [12; 231].

Известно, что в гарнизонных школах велось преподавание таких дисциплин как арифметическая, словесная, письменная, артиллерийская и инженерная науки, а также солдатская экзерциция [4; 27]. Кроме того, школьники обучались пению, а малоспособные дети занимались ремеслами [2; 10]. Как показало исследование Инструкции о порядке содержания учеников 1732 г., предназначенной для надзирающих над гарнизонными школами офицеров, учебно-образовательная программа менялась в зависимости от класса, в котором обучались мальчики: в 3-м классе, в котором начиналось обучение, изучали словесность, во 2-м учились арифметике, письму, пению и музыке, в 1-м классе проходили геометрию, артиллерийскую и инженерную науки [7; 354 об.].

Инструкцией 1732 г. был строго регламентирован распорядок дня школьников [7; 356 об. 357]. В летнее время ученики должны были приходить в школу в шесть часов, в зимнее — в семь. Учебный день начинался с чтения молитв, после чего в течение часа мальчики повторяли ранее пройденный материал. Далее занятия прерывались на короткий пятнадцатиминутный завтрак. Дети, жившие вместе с родителями, ели завтрак, принесенный из дома, остальным — в зависимости от того, постный или скоромный был день — раздавался хлеб с солью или маслом.

После завтрака обучение продолжалось до одиннадцати часов, когда дети, жившие с родителями, отпускались домой, а остальные оставались на обед в школе. Обучение возобновлялось летом в два часа, а зимой — в час, и продолжалось до шести часов вечера, когда начинался ужин. Во время ужина детям читали Воинский устав и Регламент 1716 г. По субботам обучение после обеда не возобновлялось. Один раз в неделю занятия посвящали воинской экзерции [7; 357].

Ответственность за образовательный процесс полностью была возложена на офицера, назначенного надзирать за школой. Он же принимал решение об определении учеников к различным работам еще до окончания ими полного курса обучения. Офицер обязан был посылать тех из учеников, кто хорошо учился, к высшему командованию гарнизона для исполнения различных поручений. Тех из школьников, кто был успешен в пении, под присмотром капельмейстеров отпускали для исполнения хоровых песен на праздники к знатым персонам. Часть из заработанных ими денег отдавалась капельмейстеру, часть шла на одежду школьникам, а остальные деньги отдавались самим ученикам на «лакомство». Тех учеников, кто хорошо освоил письменную и арифметическую науки, представляли штаб-офицерам для определения в дальнейшее обучение при гарнизонных канцеляриях, впоследствии они могли быть взяты на службу писарями [7; 358 об.].

Принято считать, что по окончании обучения большинство из школьников направлялись «на службу в армейские полки и гарнизоны; неуспешные же назначались в матросы и денщики» [2; 10]. В целом в историографии сложилось мнение о гарнизонных школах как об учебных заведениях по подготовке унтер-офицерских кадров [1; 299]. Однако совершенно ясно, что российское правительство видело миссию гарнизонных школ также в подготовке писарей, музыкантов и мастеровых [7; 356].

По окончании отдельных классов и всего школьного обучения учеников освидетельствовал командующий гарнизоном, принимавший решение о переводе школьника в следующий класс или определении на службу. В тех случаях, когда, по свидетельству учителей, школьники в учении были «весьма тупы и надежды ко обучению их не было», учеников с аттестатами представляли командующим для определения в «рукодельные науки», то есть они могли стать мастеровыми при гарнизонных полках [7; 358–359].

Рассмотрение комплекса источников за 1730–1740-е гг. позволило заключить, что гарнизонные школы были местом получения образования детьми разного социального происхождения. Здесь учились и офицерские, и солдатские дети. При этом ни звание, ни материальное положение отца ребенка не имели решающего значения. Определяющую роль во всех приведенных случаях зачисления в школу играло место службы отца. Это было характерно в целом для северо-западных гарнизонных школ. Детей штаб- и обер-офицеров гарнизонных полков мы находим обучавшимися в школах Санкт-Петербурга, Кронштадта, Выборга и Кексгольма. Кроме того, для зачисления детей в гарнизонные школы первостепенное значение имел социальный статус отца, а именно — состоял ли он в момент рождения сына на службе в российской армии.

Весь учебный процесс был строго регламентирован, прилежные и успешные ученики получали практику работы в канцеляриях и служили на посылках у гарнизонного командования. По окончании каждого класса проходил смотр учащихся, на котором принималось решение о переводе школьника в следующий класс или назначении на службу. При неукоснительном следовании установленным правилам в процессе обучения мальчиков и при условии их успехов в науках правительство

надеялось на получение новых хорошо образованных унтер-офицеров и офицеров, которые «прилежным образом» обучившись, могли «и подчиненных своих при всяком действии обучать» [7; 357 об.].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бескровный Л.Г. Военные школы в России в первой половине XVIII в. // Исторические записки. Т. 42. М., 1953. С. 285–300.
2. Лалаев М.С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению. От основания в России военных школ до исхода первого двадцатипятилетия благополучного царствования императора Александра Николаевича 1700–1880. Ч. I. СПб., 1880. X+283 с.
3. Галенковский П. А. Воспитание юношества в прошлом. Исторический очерк педагогических средств при воспитании в военно-учебных заведениях (в период 1700–1856 гг.). СПб., 1904. 122 с.
4. Лушников А. М. Армия, государство и общество: система военного образования в социально-политической истории России (1701–1917 гг.). Ярославль, 1996. 151 с.
5. Дмитриев А.В. Особенности положения сибирского драгунского полка в составе русской армии начала XVIII века // Институт истории Сибирского отделения РАН. <http://www.history.nsc.ru/snm/5.htm> от 02. 06. 2009.
6. Дмитриев А.В. Офицеры русской армии на сибирской службе в 30-х гг. XVIII в. (По материалам Якутского пехотного полка) // Институт истории Сибирского отделения РАН. http://history.nsc.ru/publ/1/html/dmitriev.htm#_ednref1 от 02. 06. 2009.
7. Об обучении солдатских детей в гарнизонных школах 1732 г. // РГВИА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 55. Ч. 1. Л. 351–391.
8. О солдатских детях 731, 732, 733 годов и о дровах в казармы, 7 октября 1731 г. // РГВИА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 12. Л. 690–729.
9. По доношению Выборгского гарнизонного полка солдата Лариона Благушина жены его Екатерины Андреевой о непринятии сына ее Петра в школу, 19 декабря 1736 г. // РГВИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1019. Л. 346–349.
10. По указу из Сената о содержании обретающихся в Санкт-Петербургской гарнизонной школе недорослей шляхетских детей, кои по желанию их определены и содержатся сверх гарнизонного штата, а за ними мужеска полу меньше 20 душ жалованьем из неположенных в штат доходов по ассигнаци Штатс-конторы, а за кем больше 20 душ о содержании на их кошту, 17 мая 1737 г. // РГВИА. Ф. 4. Оп. 5. Д. 1. Л. 155–183.
11. Промемория Герольдмейстерской конторы о написании в солдаты присланных недорослей Ивана Денисова с товарищи, 18 февраля 1734 г. // РГВИА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 443. Л. 71–79.
12. О свидетельствовании учеников артиллерийских, инженерных и гарнизонных школ (приложены ведомости по Санкт-Петербургским, Выборгским и Кексгольмским школам), 1737 г. // РГВИА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 34. Л. 194–231.
13. Гарнизонного по вытья гарнизонных полков о штаб- и обер-офицерах послужные ж списки с 1738 года по 1744 год // РГВИА. Ф. 9. Оп. 2. Д. 76. 938 л.